

СКИФЫ

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКОГО ЦАРСТВА

В.И. Гуляев

Сокровенная история цивилизаций

Валерий Гуляев

**Скифы: расцвет и
падение великого царства**

«ИП Карелин»

2005

Гуляев В. И.

Скифы: расцвет и падение великого царства / В. И. Гуляев —
«ИП Карелин», 2005 — (Сокровенная история цивилизаций)

Эта книга посвящена одной из наиболее загадочных проблем древней истории Восточной Европы – расцвету и внезапному драматическому падению великого Скифского царства в VII–III вв. до н. э. Содержание ее основано на материалах археологических исследований на территории Украины и России (включая собственные раскопки автора на Среднем Дону), а также на сведениях античных и восточных мыслителей. Автор постарался донести до самых широких кругов читателей все обаяние самобытной и яркой культуры воинственных скифов – кочевых ираноязычных племен, пришедших в Северное Причерноморье из глубин Азии в VII в. до н. э.

© Гуляев В. И., 2005

© ИП Карелин, 2005

Содержание

Об авторе	5
Вместо предисловия	7
Глава 1 Начало скифской эпопеи, или археологи за работой	13
Куль-Оба[1]	14
Чертомлык	23
Солоха	29
Мелитопольским курган	35
«Пять братьев» (курган № 8)	40
«Гайманова Могила»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Иванович Гуляев

Скифы: расцвет и падение великого царства

Об авторе

Валерий Иванович Гуляев – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается

проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону.

Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров», «Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории».

Вместо предисловия

В анналах мировой истории можно часто встретить народы и племена, все сведения о которых исчерпываются двумя-тремя фразами, небрежно брошенными каким-нибудь древним летописцем. Это – «народы-призраки». Что мы знаем о них? Разве что диковинное имя да несколько фактов полулегендарного характера. Словно туманные видения, бродят они по пожелтевшим страницам старинных рукописей и фолиантов, отнимая покой и сон у многих поколений исследователей.

Для Восточной Европы I тыс. до н. э. сомнительная честь возглавлять список таких загадочных народов принадлежит, безусловно, скифам. История их изучения (а она насчитывает уже почти 250 лет) служит наглядной иллюстрацией успехов современной науки, во много раз расширившей возможности исторического поиска и удаленных во времени реконструкций прошлого.

Однако несмотря на все успехи археологов, раскопавших уже тысячи скифских курганов и десятки поселений и городищ, несмотря на достижения историков и лингвистов, изучающих письменные источники, несмотря на значительный вклад в скифоведение представителей естественных наук (антропологов, палеоботаников, палеозоологов, палеогеографов и др.), мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы истории скифов.

Происхождение скифов и их культуры остается для нас загадкой. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу того, каков был общий уровень развития этого народа, было ли создано скифское государство, а если да, то когда именно это произошло? Наконец, нет четкого ответа и на вопрос о причинах внезапной гибели Великой Скифии в начале III в. до н. э.

Скифы! Кто же они? Что мы знаем о них в действительности даже сейчас, после двух с половиной веков интенсивных раскопок?

Внезапно появившись на исторической арене Европы в VII в. до н. э., эти воинственные и многочисленные кочевые племена, пришедшие откуда-то из глубин Азии, быстро захватили все Северное Причерноморье – степные и лесостепные области между Дунаем и Доном. Победоносная скифская конница прошла через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Передней Азии (Мидию, Ассирию, Вавилонию) и угрожала даже Египту.

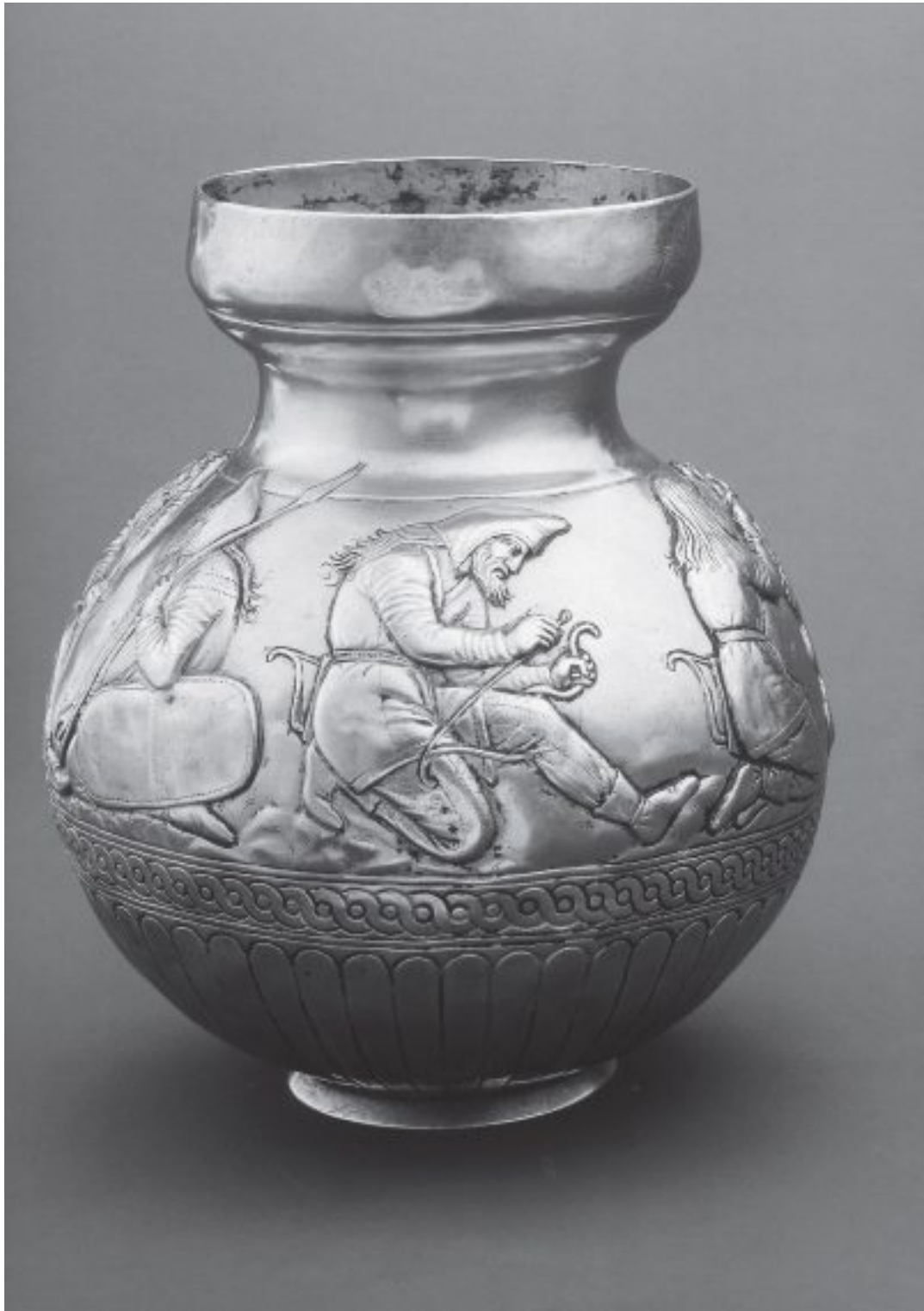
Непобедимый на протяжении почти четырех веков (VII–IV вв. до н. э.), этот многочисленный и воинственный народ так же внезапно и таинственно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости да бесчисленные курганы с захоронениями рядовых воинов и могущественных царей.

Таким образом, прошлое скифов и по сей день представляет собой сплошную загадку. Но это отнюдь не уменьшает той громадной роли, которую сыграли скифы в истории древней Европы.

«Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, – пишет известный российский археолог А.Ю. Алексеев, – оказывали на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200–400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее, культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу».

Огромное количество конкретного вещевого материала, накопленное к настоящему моменту по скифской тематике, и, одновременно, нерешенность большинства главных проблем скифоведения делает задачу любого человека, взявшегося за написание научно-популярной книги по скифам, очень трудной, если вообще выполнимой.

И, тем не менее, автор – хотя он и не новичок в скифской археологии – решился на это, уповая на свой опыт и знания, а также на великодушные коллег и поддержку широкого круга читателей.

Илл. 1. Электровый сосуд со скифами. Курган Куль-Оба, IV в. до н. э.

Сложность ситуации состоит еще и в том, что я буду освещать общескифские проблемы в основном по имеющейся научной литературе, изданной в России и на Украине, а новый, «живой» археологический материал есть в моем распоряжении только по далекой северо-

восточной окраине Скифии – Среднему Дону, где я уже много лет веду раскопки. Мне посчастливилось закончить кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1960 г. по специальности «скифо-сарматская археология». Моим руководителем был известный отечественный скифолог – профессор Борис Николаевич Граков. И уже на первых курсах университета я побывал на самом знаменитом и величественном памятнике скифской эпохи лесостепной Украины – Вельском городище (раскопки совместной экспедиции МГУ под руководством Б.Н. Гракова и Харьковского государственного университета во главе с Б.А. Шрамко). Затем я работал в самых различных уголках украинской земли на предскифских и скифских памятниках I тыс. до н. э. и набирался опыта у самых известных специалистов по скифской тематике – А.И. Тереножкина, Н.Н. Погребовой, А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко. Но все же и тогда, в свои студенческие годы, и потом, вплоть до настоящего дня, меня больше всего притягивали к себе древности скифского времени на Среднем Дону.

Впервые я попал на Средний Дон весной 1960 г., будучи еще студентом-пятикурсником исторического факультета МГУ. Время тогда у меня было горячее: заканчивал работу над дипломом, государственные экзамены – на носу, да и повседневных забот хватало с избытком. И, вдруг, неожиданно в апреле приходит из Института археологии Академии наук СССР приглашение принять участие в полевых исследованиях на территории Воронежской области. После недолгих размышлений я согласился, и, надо сказать, этот выбор стал для меня во многом решающим и судьбоносным. С тех пор я ежегодно бываю в благодатных воронежских краях.

Но первое впечатление – всегда самое сильное. И у меня до сих пор свежи в памяти картины той первой воронежской весны: бело-розовое марево цветущих бесчисленных садов, меловые кручи на диво широко разлившегося в том году «батюшки-Дона», сочная зелень заповедных дубрав и поля тучного чернозема, окутанные легкой дымкой после прошедших весенних ливней. Я полюбил эти места с первого взгляда и навсегда. Мне нравится и сам город Воронеж, взметнувшийся острыми шпилями старых церквей на высоких речных берегах. Город – с более чем миллионным населением, множеством учреждений, вузов, заводов и фабрик, но удивительно уютный, благоустроенный и чистый, весь утопающий в зелени парков и бульваров. Мне нравятся трудолюбивые и гостеприимные люди Воронежщины, с их по-южному мягким и певучим говорком, напоминающим, как и белые хаты в селах, о близости юга, о близости Украины. Но, самое главное, – меня увлекло и прочно привязало к себе богатейшее археологическое прошлое этих мест.

Илл. 2. Золотая поясная бляха из Южной Сибири. Случайная находка, V–IV вв. до н. э.

Благодатные земли Среднего Дона издавна манили к себе человека. Здесь, на крутом донском берегу и на склонах окрестных оврагов, под напластованиями лёссовых пород находится скопление древнейших стоянок охотников и собирателей Восточной Европы (верхний палеолит, мезолит) – Костёнки. Позднее здесь обосновались племена эпох неолита и бронзы, остатки скромной культуры которых в виде обломков грубой керамики и кремневых отщепов встречаются на многих речных мысах и холмах, не затопляемых водой во время весенних паводков. А затем наступает железный век – эра господства железных орудий труда и оружия, время появления в степях Евразии огромных кочевых орд, время жестоких и опустошитель-

ных войн, время основания на северных берегах Черного и Азовского морей первых греческих городов-колоний. Именно тогда приходят на Средний Дон и воинственные кочевники-скифы.

С тех пор, освещенные ярким светом античной письменной традиции, как сами скифы, так и их нескифские соседи становятся непременными участниками всех важнейших исторических событий, происходивших на обширных территориях Евразии в VII–III вв. до н. э.

Но прошло всего несколько столетий, и скифы (в том числе и среднедонские) были сметены с лица земли новыми волнами кочевников из Азии – сарматами. И теперь только многочисленные курганы, да оплывшие валы древних городищ напоминают о былом величии и славе некогда могущественной Скифской державы.

Многолетние археологические раскопки, дополняемые сведениями древнегреческих и римских авторов, позволяют сейчас воссоздать, хотя бы и в самых общих чертах, историю самобытной и яркой цивилизации скифов. Скифской проблематикой занималось и занимается множество исследователей как в России, так и за рубежом. Стоит ли удивляться, что в свое время и я – только начинавший карьеру археолог, – был сразу же увлечен изучением скифских древностей. Работая на Среднем Дону, я прошел путь от лаборанта до начальника крупной археологической экспедиции. Временами судьба складывалась так, что мне приходилось надолго покидать воронежские края (12 полевых сезонов я находился в составе Советской археологической экспедиции в Ираке; несколько лет вел раскопки на Кубе). И, тем не менее, среднедонские скифы и их загадочное прошлое неизменно притягивали меня к себе. С 1989 г. во главе комплексной Донской (бывшей Потуданской) археологической экспедиции, я регулярно веду исследования скифских городищ и курганов на юге Воронежской области, в бассейнах рек Потудань и Девица (правые притоки Дона) и на востоке Белгородской области (с. Горки).

Илл. 3. Золотая обкладка горита. Курган Чертомлык, IV в. до н. э.

На протяжении всех периодов древности и средневековья территория Среднего Дона играла заметную роль в важнейших событиях евразийской истории. Но особенно ярко это проявилось именно в скифскую эпоху.

Историко-географический термин «Регион Среднего Дона» в территориальном смысле включает ряд современных административных делений Центральной и Южной России: Воронежскую и Белгородскую области целиком, а Ростовскую, Волгоградскую и Липецкую области частично.

Река Дон занимает центральное положение в системе трех крупнейших рек Восточно-Европейской равнины (Днепр – Дон – Волга). Географически эта территория относится к лесостепной и степной зонам. Особенности рельефа, его равнинный характер и развитая речная система открывают сравнительно легкий доступ к природным ресурсам региона. Не удивительно, что эти земли весьма интенсивно использовались в прошлом различными народами и племенами.

Дон (древний Танаис) античные географы считали границей между Европой и Азией. В знаменитой трагедии Эсхила (526–456 гг. до н. э.) «Прикованный Прометей» главный герой говорит, обращаясь к красавице Но: «Переплыв Меотиду (т. е. Азовское море. – *В.Г.*), ты покинешь европейскую землю и вступишь на азиатский материк». На Дону находился перекресток важнейших торговых путей того времени: из Причерноморья на Урал и Алтай, из северных лесных областей на юг, из Причерноморских и Азовских степей на Кавказ. Здесь встречались и вступали в контакты друг с другом различные этнические группы, народы и племена – носители самых разных культурных традиций и верований: угро-финны, праславяне, фракийцы, ираноязычные скифы, меоты, савроматы, греки. Здесь шла мирная торговля, велись военные столкновения, пролегали пути миграций.

Известно, что в III в. до н. э. боспорские греки основали в устье Дона большой торгово-ремесленный центр – Танаис, откуда вездесущие эллинские купцы или их посредники проникали далеко на север. Ранее такую же роль играло для бассейна реки Дон Елизаветовское городище V–IV вв. до н. э. За ковыльными далями задонских степей грекам-торговцам виделись золотые россыпи Рипейских (Уральских) гор. Но, видимо, не столь уж часто ходили к подножью Рипов караваны греческих и скифских купцов, если их рассказы об увиденном так густо пересыпаны множеством небылиц. А может в этом и состояла главная купеческая мудрость: все истинные сведения о золотоносных областях на востоке держать при себе, в глубокой тайне, а вероятных конкурентов отпугивать страшными баснями об одноглазых воинах-аримаспах, козлоногих людях и не знающих жалости чудовищах-грифах. И, тем не менее, о размере этих связей с Уралом и Алтаем можно судить хотя бы по тому широкому потоку золота, который хлынул на Дон и в Северное Причерноморье именно в VI–III вв. до н. э., т. е. в скифское время.

Все упомянутые выше факты придают региону Среднего Дона особую значимость в глазах историков и археологов, занимающихся скифской проблемой. Скифские древности – курганы и городища – немые страницы забытой истории исчезнувшего народа, которая постепенно оживает сейчас благодаря усилиям ученых. Давайте же заглянем вместе с археологами в далекую и седую старину, в мир ожесточенных битв и походов, в мир своеобразной и богатой культуры, процветавшей на юге России и Украине около 2500 лет назад.

Глава 1 Начало скифской эпопеи, или археологи за работой

*Мы – те, о ком шептали в старину,
с невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.*

В. Брюсов

История исследования скифских древностей знает немало ярких страниц. Здесь были и сенсационные открытия, и глубокие разочарования. Порою рассказ об истории раскопок скифских курганов больше похож на приключенческую или детективную повесть, чем на официальный научный отчет. Археологам приходилось сталкиваться с грабителями, бандитами и мошенниками, преодолевать всевозможные трудности (частная собственность на землю, где находились древности, и др.). Среди первых исследователей курганов Скифии (а они начали свои работы в конце XVIII в. после завоевания русскими полками Северного Причерноморья и Крыма) были самые разные люди – энтузиасты-любители, крупные ученые, путешественники, военные и государственные чиновники. Многие из них, особенно на заре российской археологии, по неопытности или в погоне за эффектными и драгоценными находками наносили большой вред науке. Методы раскопок в то время мало чем отличались от простого кладоискательства. Раскопки не документировались, не велись дневники по ходу работ, не составлялись планы и разрезы раскопанных объектов. Многие находки, не представлявшие, с точки зрения раскопщиков, интереса, попросту выбрасывались. Все это – невозполнимые потери.

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были произведены в 1763 г. по поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова, бывшего в то время губернатором Новороссийского края. Исследованию подвергся Литой курган (или Червонная Могила), в 60 км от Елисаветграда (совр. Кировограда). И хотя курган не был докопан до конца из-за наступления ранних холодов, вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи конца VII – начала VI вв. до н. э. Их приказали передать коменданту крепости Святой Елисаветы для дальнейшего препровождения в Петербург императрице Екатерине II. Наиболее интересной находкой из могилы скифского вождя, безусловно, является меч в золотых ножнах, украшенных изображениями каких-то фантастических животных. Это странные существа имеют туловище быка, хвост скорпиона, голову барана, орла или льва, и крылья в виде рыбы со звериной головой. В лапах они держат натянутый лук со стрелой. В раскопе была также обнаружена диадема и множество других драгоценных украшений. Все эти предметы имеют древневосточное происхождение. Возможно, они были добыты скифскими воинами во время их походов в страны Передней Азии.

Куль-Оба¹

22 сентября 1830 г. по приказу градоначальника Керчи И.А. Стемповского в окрестности города была отправлена рота солдат для добычи камня на строительство новых городских зданий. В ходе разборки большого каменного холма работающие внезапно наткнулись на древнюю гробницу в виде квадратной камеры площадью в 20 кв. м, сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Перекрывал ее ступенчатый (или «ложный») свод.

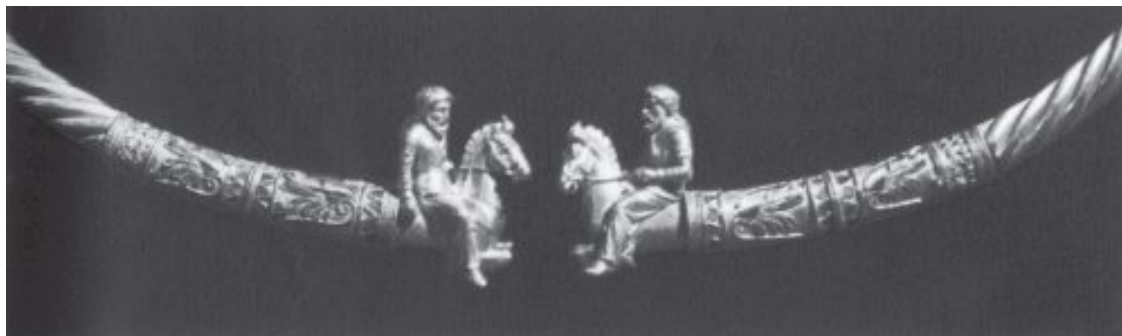
Илл. 4. Меч из Мельгуновского кургана в золотых ножнах

Руководство расчисткой склепа взял на себя офицер Павел Дюбрюкс. Внутри гробницы он обнаружил три человеческих скелета. Главное захоронение, очевидно, принадлежало представителю знати², а, возможно, даже «царю». Его останки, облаченные в некогда роскошные одежды, были размещены на деревянном катафалке. О знатности и богатстве покойного свидетельствовали многочисленные золотые бляшки, нашитые на его одежду и войлочную шапку-башлык, а также изящные золотые браслеты для рук и ног и массивная золотая гривна весом

¹ Археологи полагают, что Куль-Обская гробница была сооружена приблизительно в третьей четверти IV в. до н. э.

² Это был человек очень высокого роста. В отчете Дюбрюкса указано, что длина его бедренной кости равнялась 46,67 см, что соответствует общему росту более чем в 195 см.

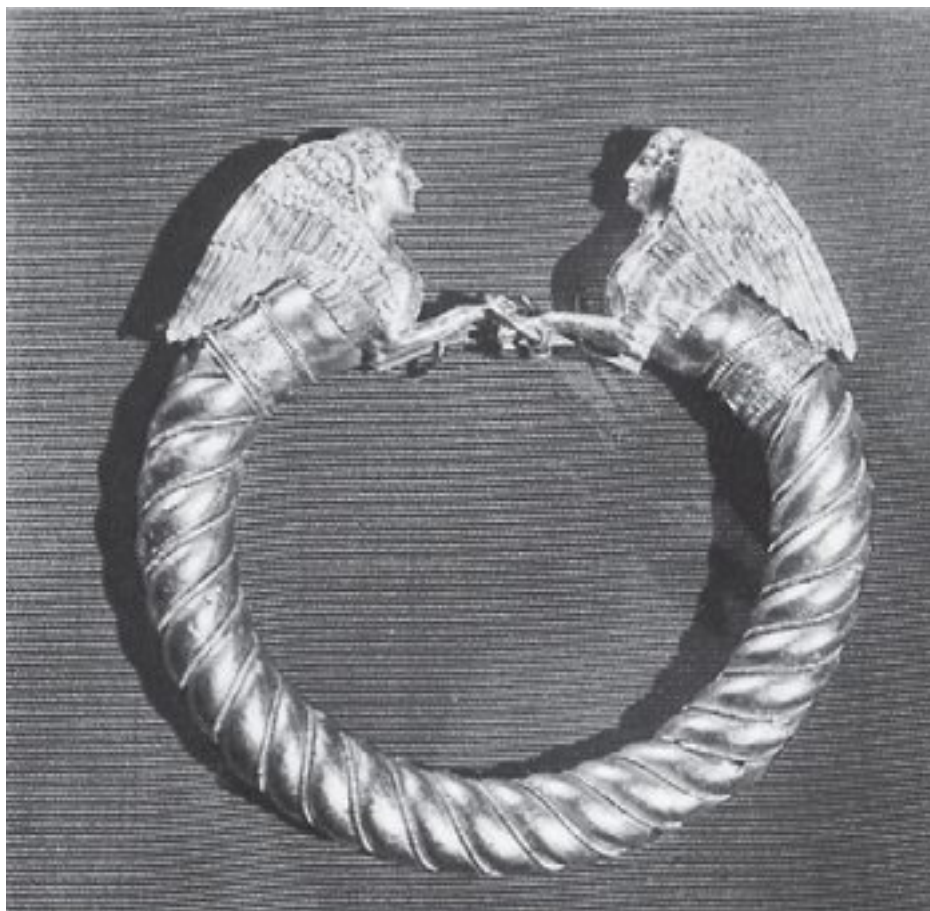
более 400 г, скрученная жгутом из шести толстых проволок и украшенная на концах фигурками всадников-скифов. Рядом со скелетом лежали меч, лук и стрелы в футляре (горите), бронзовые с позолотой греческие поножи (кнемиды). Рукоять и ножны меча, а также горит были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия найдена прекрасная золотая чаша весом почти в 700 г, на которой изображения бородатой головы скифа чередовались с ужасными ликами Медузы Горгоны.

Илл. 5. Концы золотой гривны с фигурами скифских всадников. Курган Куль-Оба

Рядом с «царем» на каменном полу лежал скелет женщины, вероятно, жены или наложницы. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева, украшенном резными пластинами из слоновой кости. На некоторых из них изображены сцены из древнегреческой мифологии (например, «Суд Париса») и эпизоды скифской охоты на зайцев. Наряд «царицы», так же как и наряд «царя», был расшит золотыми бляшками. Голову женщины украшала электрическая³ диадема и две тяжелые золотые серьги-подвески с изображением богини Афины. Здесь же удалось обнаружить и две пары других золотых подвесок – подлинных шедевров античного ювелирного искусства. Миниатюрные детали на них можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло – столь тонкой и тщательной была работа древних ювелиров. В изображениях одной из пар подвесок можно узнать сцену из гомеровской «Илиады»: Фетида и нериды приносят Ахиллу оружие, выкованное специально для него богом огня и покровителем кузнечного ремесла Гефестом.

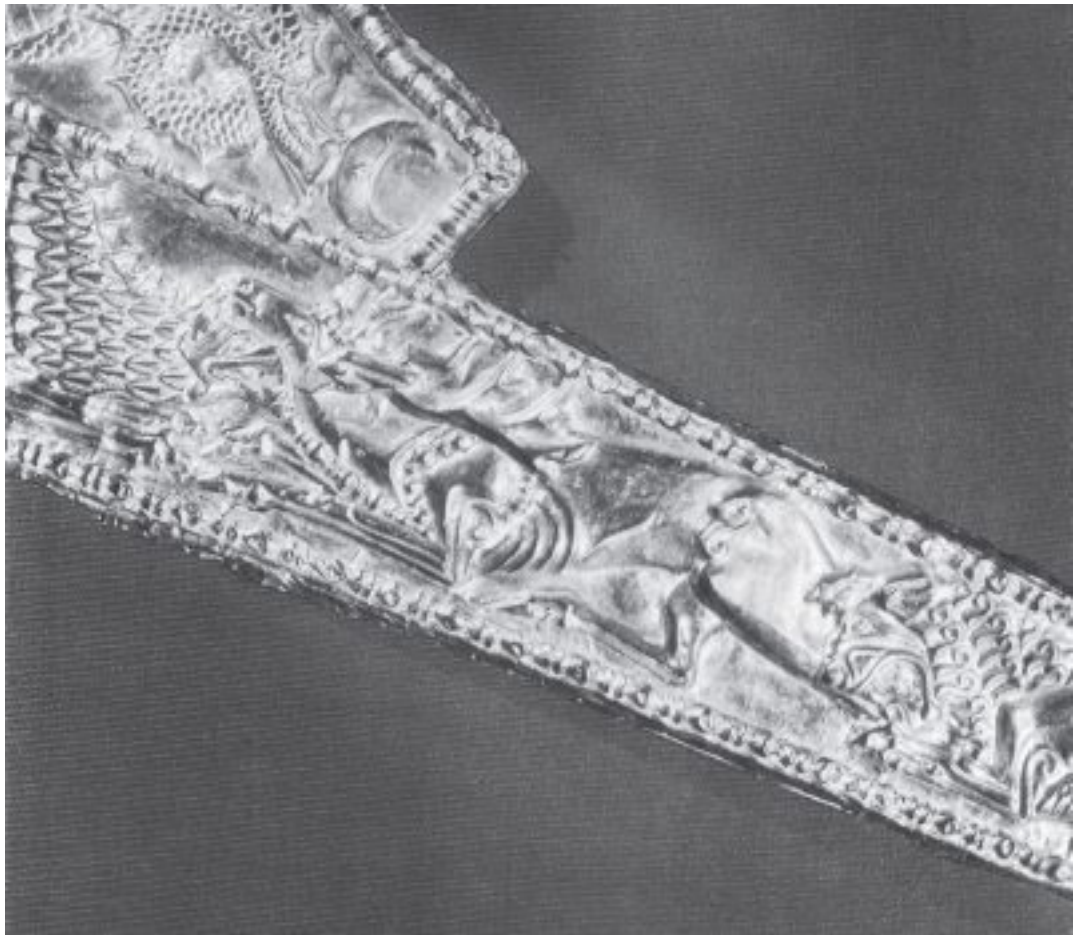
³ Электр – сплав золота и серебра.

Илл. 6. Золотой браслет с фигурами сфинксов на концах. Курган Куль-Оба

«Царице» принадлежали также другие золотые украшения: ожерелье из бус, тяжелая гривна весом почти 500 г, два широких браслета и бронзовое зеркало, на вызолоченной ручке которого выбиты звериные фигуры.

Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы – ныне всемирно известный круглодонный электровый сосуд с фигурами скифов. Изображения на «куль-обском кубке», выполненные с поразительным реализмом и точностью, впервые позволили получить реальное представление о скифах – физическом типе этого загадочного народа, его традиционной одежде и вооружении.

Илл. 7. Деталь изображения (сцены терзания) на золотых ножнах меча. Курган Куль-Оба

Как видно на изображениях, скифы носили длинные волосы, бороды и усы. Они – явные европеоиды без каких-либо признаков «азиатчины». Их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состояла из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар. Обувью скифам служили мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками, на головах они носили остроконечные войлочные шапки. Изображение луков и стрел, копий и четырехугольных щитов дают нам представление о вооружении этого народа.

Илл. 8. Золотая височная подвеска с головой Афины. Курган Куль-Оба

Помимо электровой вазы, изображения скифов имелись и на ряде золотых штампованных бляшек из Куль-Обы. В частности, на одной из них мы видим двух обнявшихся скифов, которые пьют из одного сосуда. Возможно, это сцена обряда побратимства, описанного античными авторами. Греческий писатель Лукиан (II в. н. э.) так повествует устами скифа Токсарида об этом обычае:

...Когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и [приносится] величайшая клятва – жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга. При этом мы поступаем следующим образом: надрезав себе пальцы, собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба,

держась друг за друга, пьем из нее; после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить.

Другие золотые бляшки изображают скифов с горитом на поясе и чашей в руках, всадника с занесенным копьем, двух скифов, стоящих спиной к спине и стреляющих из луков (илл. 49, 67).

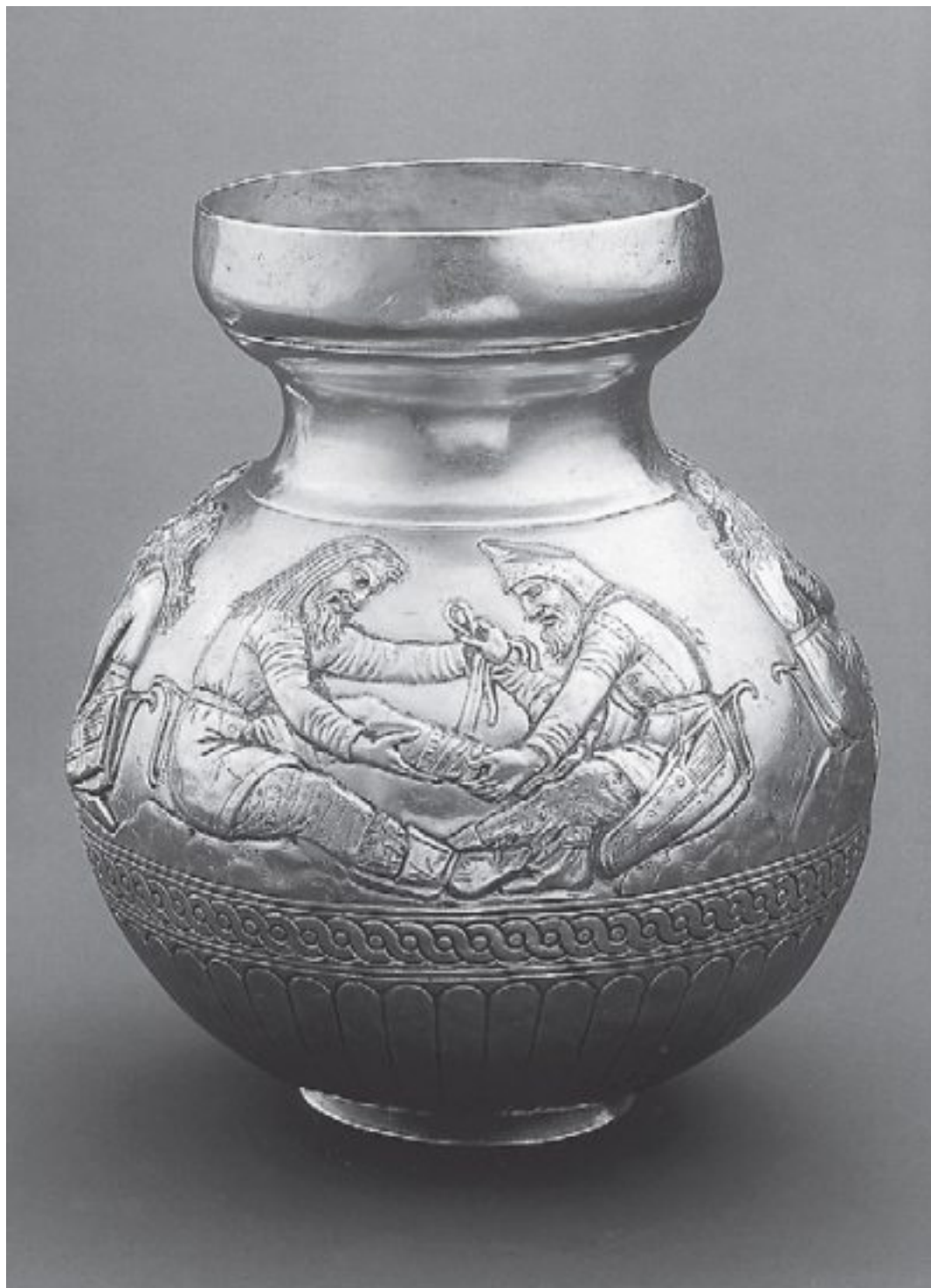
Третьим в куль-обской гробнице был захоронен слуга-конюх. Его скелет обнаружили за саркофагом «царя». Рядом с ним в специальном углублении лежали кости лошади, греческие бронзовые поножи и шлем.

У стен склепа был найден целый набор разнообразных серебряных сосудов, украшенных чеканным изображением зверей, птиц и рыб, а также серебряные тазы, блюда, ритон⁴ и килик⁵, большие бронзовые котлы, четыре греческих глиняных амфоры⁶. На полу было собрано несколько сотен бронзовых наконечников стрел и железных наконечников копий.

⁴ Ритон – ритуальный сосуд для возлияний, обычно из золота или серебра, имитирующий бычий рог.

⁵ Килик – чаша для питья вина.

⁶ Амфора – сосуд для перевозки и хранения оливкового масла и вина.

Илл. 9. Электровый сосуд. Курган Куль-Оба

Блеск сказочных сокровищ из Куль-Обы ослепил всю просвещенную Европу и, особенно, императорский двор в Санкт-Петербурге. Но здесь же выявились и иные, довольно печальные обстоятельства. В ходе раскопок «царского» кургана близ Керчи в одну из ночей оставленная Дюбрюксом охрана самовольно покинула свой пост, чем не преминули воспользоваться местные грабители могил. Они сумели найти и присвоить себе немало ценных вещей, часть из которых с помощью огромных усилий удалось потом вернуть и тоже отправить в столицу.

После этого стало абсолютно ясно: охотники за скифскими сокровищами, которые активно действовали в древние времена, не спят и во времена новые. Любители легкой наживы стали подлинным бедствием для изучения скифских курганов. Главная причина многовековой охоты грабителей могил за скифскими курганами заключалась в необычайном богатстве скифских захоронений и, главное, в обилии золота. Русский ученый Г. Боровка писал в этой связи: «Едва ли какая-либо культура, даже «богатые златом Микены», может соперничать со скифами по количеству золота».

Таким образом, именно богатства скифских курганов издавна привлекали к себе внимание грабителей. Большинство могил было разграблено сразу же (или вскоре) после их сооружения. Древние «искатели сокровищ» прекрасно разбирались в сложной погребальной архитектуре скифских курганов, в том числе и самых крупных, высотой до 20 м и более. Они прорывали в твердом грунте длинные ходы-шахты от основания кургана, и, минуя насыпь, выходили непосредственно на гробницу. В случае удачи они уносили самые ценные предметы из золота и серебра. Иногда им не везло: могли рухнуть не выдержавшие многометровой тяжести своды шахты и насмерть задавить непрошенных гостей; соплеменники погребенных могли поймать осквернителей на месте преступления, и тогда жестокая расправа над теми, кто потревожил вековой сон могил, была неотвратимой. И, тем не менее, в подавляющем большинстве случаев «джентльменам удачи» неизменно сопутствовал успех, а будущих исследователей гробниц ждало по завершении дорогостоящих и длительных работ полное разочарование.

В начале XX в. выдающийся русский археолог М.И. Ростовцев с грустью писал по этому поводу: «Тяжел и часто неблагодарен труд ученого, открывающего заступом и киркой остатки прошлой жизни. Неделями копают землю десятки рабочих и находят в итоге давно уже разграбленную могилу». В 1865 г. И.Е. Забелин (исследователь знаменитого «царского» кургана Чертомлык) раскопал 14-метровый курган Козёл, но гробница его оказалась пустой. В 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский с большим трудом добрался до погребальных камер в центре 20-метрового кургана Огуз – одного из крупнейших в Скифии – и нашел там лишь жалкие следы исчезнувших сокровищ. И этот список бесконечен. Даже ставшие теперь широко известными «царские» курганы Толстая Могила и «Гайманова Могила» на юге Украины вознаградили гигантские усилия современных археологов лишь благодаря тому, что древние грабители не обнаружили скрытые тайники, где и лежали драгоценности (золотая пектораль⁷ и серебряная с позолотой чаша с изображениями скифских вождей).

⁷ Пектораль – парадное нагрудное украшение скифского «царя».

Илл. 10. Серебряный ритон. Курган Куль-Оба, IV в. до н. э.

Таким образом, находка неразграбленного захоронения скифского «царя» или вождя представляет собой большую редкость и становится настоящей сенсацией и для ученых, и для широкой публики. За всю почти 250-летнюю историю раскопок в Северном Причерноморье обнаружены лишь считанные единицы уцелевших или частично потревоженных гробниц высшей скифской знати: Куль-Оба, Чертомлык, Солоха и Пятибратний курган № 8 у ст. Елизаветовской в устье Дона. О некоторых из них и пойдет ниже речь.

Чертомлык

После находок в Куль-Обе император Николай I, не жалея, выделяет все большие средства на раскопки древних некрополей в районе Керчи. Местные археологи Дамиан Карейша и Антон Ашик без устали вскрывают древние курганы и склепы и добывают немало драгоценных вещей для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. Но, во-первых, сильную конкуренцию им составили керченские грабители могил. А во-вторых, найденное там золото было не скифским, а греческим – ведь Керченский полуостров в древности входил в состав могущественного полуэллинистического, полуварварского Боспорского царства. «Кладбище» скифских «царей» следовало искать в другом месте – где-то в центре обширных причерноморских степей, где некогда кочевали скифские орды и, прежде всего, так называемые царские скифы⁸.

И вскоре подходящий объект для новых раскопок был найден. Примерно в 20 км от г. Никополя на берегу реки Чертомлык возвышался огромный курган почти в 20 м высоты и 350 м в окружности. К тому времени в Санкт-Петербурге при императорском дворе было создано первое государственное археологическое учреждение России – Императорская Археологическая Комиссия, призванная организовывать и координировать все археологические исследования в стране⁹. Именно эта Комиссия и выделила в мае 1862 г. огромную по тем временам сумму на раскопки Чертомлыка – пять тысяч рублей. Руководителем работ был назначен известный историк, специалист по средневековой русской культуре Иван Егорович Забелин. Правда, в скифской археологии познания его были сравнительно невелики.

20 мая 1862 г. раскопки 20-метрового гиганта начались. В них участвовали 86 «грабителей» (т. е. землекопов) с конными подводами. Однако объем земляных работ оказался столь велик, что за один сезон (до осенних дождей) управиться с курганом не удалось. К делу приступили вновь в июне 1863 г. Работу вели уже 116 землекопов с подводами. На глубине 12 м от уровня древней дневной поверхности нашли большую, но начисто ограбленную могилу. «Была обнаружена грабительская мина (лаз), – пишет российский археолог И.Б. Брашинский, – по которой грабители проникли к погребению вскоре же после похорон. Можно было определенно утверждать, что это были люди, знавшие, за чем они идут и куда им направлять свой подкоп.

Возможно, они сами участвовали в похоронах и знали, что любой риск для получения такой богатой добычи вполне оправдан. Однако судьба сыграла с ними злую шутку».

То ли гробница действительно была заколдована скифскими жрецами (феномен «проклятья фараона»), то ли имела место простая небрежность при рытье подземного хода, но, тем не менее, преступники были жестоко наказаны. Во время ограбления кургана произошел обвал земли и один из злоумышленников был задавлен насмерть. Его скелет и нашли рабочие И.Е. Забелина. Обвал помешал искателям сокровищ вынести все ценные вещи из могилы – часть из них была погребена под землей вместе с незадачливым похитителем.

⁸ Согласно Геродоту, царские скифы – самое могущественное племя Скифии, из знатных родов которого избирались верховные правители страны; все другие племена (и скифские, и нескифские) царские скифы рассматривали в качестве своих рабов.

⁹ Императорская Археологическая Комиссия была создана в 1859 г.

Илл. 11. Золотая бляха с богиней, сидящей на троне с зеркалом в руке и пьющим из ритона скифом. Курган Чертомлык, IV в. до н. э.

В проделанной грабителями шахте удалось найти подлинные шедевры древнего ювелирного искусства: множество золотых нашивных бляшек, украшавших одежду погребенного, шесть мечей с обложенными золотой фольгой рукоятями, золотую обкладку деревянных ножен меча с изображением битвы эллинов с варварами. Но самой важной находкой была великолепная золотая обивка горита. «Тонкая золотая пластина, – отмечает И.Б. Брашинский, – украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны сцены борьбы животных: львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а на другой сцене пантера и лев – оленя».

Наибольший интерес представляют два широких средних фриза, целиком заполненные различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев – легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и мирмидонского царя Пелея. Наверху слева изображено обучение еще совсем юного героя стрельбе из лука. Центральное место на этом горите занимает драматическая сцена на о. Скирос, когда Ахилл был опознан ахейским посольством. Сюжет этой сцены заимствован из легенды, по которой мать героя богиня Фетида, желая спасти сына от участия в Троянской войне, где, по предсказанию, ему суждено было погибнуть, скрыла Ахилла у царя о. Скироса. Там он проводил время среди царских дочерей, облаченный в женскую одежду. У одной из них, Дидамии, от Ахилла родился сын Неоптолем. Между тем война с троянцами, которая, как известно, велась греками из-за прекрасной Елены, похищен-

ной супруги царя Менелая, складывалась для них неудачно. Тогда они решили во что бы то ни стало разыскать храбрейшего из героев и привлечь его к участию в войне. На поиски был отправлен «хитроумный» Одиссей, придумавший такую уловку для разоблачения Ахилла. Он явился во дворец Ликомеда под видом торговца, разложил перед дочерьми царя женские украшения и, подложив к ним оружие, приказал неожиданно поднять боевой клич. От неожиданности Ахилл, охваченный воинственным душевным порывом, схватил меч и сбросил женское платье. Разоблачив себя таким образом, он был вынужден примкнуть к походу греков.

Сцена на горите изображает Ахилла, сбрасывающего женские одежды и хватающего меч. Слева от него сидит Одиссей со своими товарами. Справа – женщина, удерживающая за развешивающиеся одежды испуганную Дидамию... Левее Одиссея сидит жена царя Ликомеда и утешает припавшего к ней испуганного мальчика – Неоптелема.

Может возникнуть вопрос, почему на предмете, предназначенном для скифа, были изображены сцены из жизни греческого героя? Вероятно, это объясняется тем, что культ Ахилла был весьма популярен в Северо-Западном Причерноморье и мог проникнуть оттуда и в скифскую среду. Ведь, согласно одной из версий легенды, Фетиде удалось увести Ахилла с горящего похоронного костра и перенести его на о. Левку (совр. о. Змеиный) в устье Дуная, где он еще долго продолжал жить в обществе других обожествленных героев.

Интересно, что после находки золотой обивки чертомлыцкого горита в разных местах на далеком расстоянии друг от друга были найдены еще три абсолютно такие же – сначала в кургане у с. Ильинцы (теперь Винницкая обл.), а затем в Мелитополе и около ст. Елизаветинской в дельте Дона. Как видим, территория их распространения весьма широка – от Днепра до Дона. Выяснилось также, что это копии одной вещи. Как полагают, мастерская, изготавливавшая дорогие золотые украшения для высшей скифской знати, находилась в Пантикапее (совр. Керчь), и в ней работал выдающийся греческий художник. Нетрудно представить себе, какие несметные богатства находились в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным.

Илл. 12. Деталь изображения на золотой пластине горита. Курган Чертомлык

Терпение археологов, продолжавших изучать разграбленное погребение, было вскоре щедро вознаграждено. Погребальное сооружение Чертомлыцкого кургана представляло собой сложный подземный лабиринт: от каждого угла центральной могильной ямы отходили большие боковые подземелья, которые оказались не тронутыми расхитителями. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были завалены землей, что и спасло их от непрошенных гостей. В нишах обнаружено множество различных предметов, золотых и серебряных украшений – шейных гривен, перстней, браслетов, бляшек, украшавших одежду (одних золотых бляшек было найдено около 2500), бронзовых наконечников стрел, ножей и т. д. В трех подземельях обнаружены и захоронения. Особенно богатым оказалось одно из погребений, где были похоронены женщина и мужчина – наложница (или жена) «царя» и его виночерпий. На скелете «царицы» найдены богатые украшения и остатки роскошного наряда. Но самой выдающейся находкой стала прославившая Чертомлыцкий курган большая серебряная с позолотой ваза, известная теперь во всем мире под названием «чертомлыцкой амфоры». Вся поверх-

ность сосуда покрыта позолоченными рельефными изображениями – птиц, сидящих на цветах и побегах, крылатых грифонов с орлиными головами и телами львов, терзающих оленя. Но самые ценные для историков изображения – живые и реалистичные сцены ловли скифами диких коней. Как и на куль-обском кубке, скифы представлены здесь с длинными волосами и бородами, одетыми в кафтаны, шаровары и мягкие сапоги. Создатель чертомлыцкой вазы, очевидно, был прекрасно знаком со скифами, с их жизнью и бытом.

По времени Чертомлыцкий курган близок Куль-Обе. Он относится к третьей четверти IV в. до н. э. Чертомлык представлял собой сложный погребальный комплекс и служил усыпальницей могущественного скифского царя, похороненного со всей пышностью скифского царского погребального обряда. Помимо главной ограбленной могилы, в которой был похоронен «царь», и упоминавшейся выше усыпальницы «царицы» и виночерпия, под курганной насыпью было открыто еще пять могил: в трех из них похоронено 11 коней в богатых уздечных уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами, а в остальных двух – конюхи или оруженосцы с полными стрел колчанами и тоже в богатых нарядах.

Резонанс от чертомлыцких раскопок был огромен, а драгоценные находки из этого скифского кургана заняли достойное место в коллекции Эрмитажа в Петербурге.

Илл. 13. Серебряная ваза. Курган Чертомлык

Солоха

Следующим выдающимся открытием в области скифской археологии стало исследование гигантского степного кургана Солоха близ г. Никополя (с. Большая Знаменка). Высота кургана превышала 18 м. Раскопки его велись два года – 1912 и 1913. Руководил работами профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский.

Уже внешний осмотр выявил наличие ям и западин на склонах – следы деятельности грабителей. По всем признакам, курган был ограблен. Это, однако, не смутило Н.И. Веселовского. Богатый опыт археолога подсказывал ему, что грабителям редко удавалось ограбить могилу начисто, что-нибудь да оставалось ими незамеченным – тайник ли, боковая ли могила, или что-нибудь еще. Кроме того, исследователь знал, что под столь могучей насыпью чаще всего бывает не одно, а несколько захоронений, и маловероятно, почти исключено, чтобы ворами, орудовавшим под толщей земли вслепую, подобно кротам, да притом еще в страшной спешке из-за боязни быть застигнутыми на месте преступления, а то и погребенными заживо, удалось найти и опустошить все могилы.

Когда в результате долгой и изнурительной работы была, наконец, снята часть насыпи кургана и достигнут уровень материка¹⁰, археологи обнаружили огромную могильную яму площадью около 27 м² и глубиной до 6 м. Когда могилу расчистили, оказалось, что она, как и следовало ожидать, была ограблена. О ее былом богатстве говорили оброненные грабителями золотые нашивные бляшки от одежды, золотая иголка, а также серебряная чаша для вина – килик с греческой надписью на нем. Судя по найденной игле, здесь была похоронена знатная женщина, возможно, скифская «царица». В боковой нише могилы археологи нашли большой медный котел и железную тележку на колесах с сеткой для поджаривания мяса для участников поминального пиршества. Рядом с центральной могилой обнаружили захоронение двух коней в богатом уборе: золотые налобники в виде рыб и нащечники в виде крыльев.

Многие признаки, однако, показывали, что тайны Солохи не исчерпываются открытыми погребениями. Археологи предположили, что под курганом должна быть, по меньшей мере, еще одна могила. В 1912 г. время и средства не позволили продолжить раскопки. Они возобновились лишь на следующий год, который принес сенсационные открытия.

Выяснилось, что через некоторое время после насыпки кургана (его высота составляла тогда 15 м) над могилой, открытой в 1912 г., часть курганной насыпи была снесена до основания и вырыта новая, не менее грандиозная могила. После совершения в ней погребения, курган досыпали уже над обеими могилами и еще более увеличили его в размерах.

В этой второй боковой могиле покоился скифский «царь». Его гробница представляла собой сложное подземное сооружение. Длинный (более 10 м) подземный коридор вел из глубокой шахты, или колодца со ступеньками, в обширную погребальную камеру – настоящую пещеру с тремя боковыми нишами. В самую большую из этих ниш и было помещено тело «царя», а две другие предназначались для погребального инвентаря: здесь находились различные предметы, главным образом, посуда. Кроме того, в боковой стенке главной ниши был вырыт тайник, в котором спрятали особенно ценные вещи. Царское погребение оказалось совершенно непо потревоженным – все лежало в том порядке, как и тысячи лет назад.

Снова, как и при раскопках Куль-Обы и Чертомлыка, исследователи были ослеплены обилием золота и серебра. Руки погребенного «царя» украшали пять золотых браслетов, шею – массивная золотая гривна с львиными головками на концах. На золотых бляшках, украшающих одежду, мы снова встречаем изображение обряда побратимства, знакомого нам по Куль-Обе: два скифа пьют из одного рога.

¹⁰ Уровень материка – это уровень нетронутой естественной почвы без следов деятельности человека.

Рядом с погребенным «царем» лежал его меч с золотым эфесом в обложенных золотом ножнах, и греческий бронзовый шлем. Но особенно интересен один из рельефов на серебряных пластинах горита, в котором оказалось 180 бронзовых наконечников стрел. Здесь изображен бой между конными и пешими воинами, судя по одежде и вооружению – варварами. Воины вооружены короткими мечами и боевыми секирами, одеты они в подпоясанные кафтаны, отороченные мехом, и длинные штаны. И у всадников, и у пеших воинов – длинные, ниспадающие на плечи волосы, однако всадники бородаты, а пешие все безбороды. Победу одерживают пешие воины.

В склепе была найдена и посуда – шесть серебряных чаш и большой деревянный сосуд, обитый золотыми рельефными пластинками. Одна из чаш украшена изображением сцены охоты конных скифов на львов.

Вместе со своим владыкой были похоронены и его насильственно умерщвленные слуги – оруженосец и виночерпий, а также пять царских коней с конюхом. В больших медных котлах лежали кости животных, рядом стояли греческие амфоры, в которых некогда было вино.

Самой выдающейся находкой в кургане, прославившей его на весь мир, был золотой гребень, лежавший у изголовья «царя». Массивный предмет весит около 300 г, его высота 12,3 см, а ширина 10,2 см. Девятнадцать длинных четырехгранных зубьев соединены фризом из фигур лежащих львов. А над ним расположена изумительная скульптурная группа из трех сражающихся воинов.

С первого же взгляда не остается сомнения в том, что это скифы. Они длинноволосы и бородаты, одеты в характерные скифские одежды – кафтаны, длинные шаровары и мягкие сапоги. У двоих из них поверх кафтанов одеты панцири, а у третьего воина, по-видимому, «царя», на голове изображен греческий шлем, а на ногах – поножи-«кнемиды». С большой точностью переданы предметы вооружения скифов – щиты разной формы и конструкции, гориты с луками и стрелами, короткие скифские мечи и их ножны, копье.

Солохский гребень – уникальный шедевр искусства, не имеющий себе равных во всем мире. По всей видимости, его изготовил выдающийся греческий мастер, работавший в Северном Причерноморье и прекрасно знакомый со скифами. Конечно, он выполнял заказ высшей скифской знати, учитывая ее интересы и вкусы, но применяя при этом все достижения эллинского искусства.

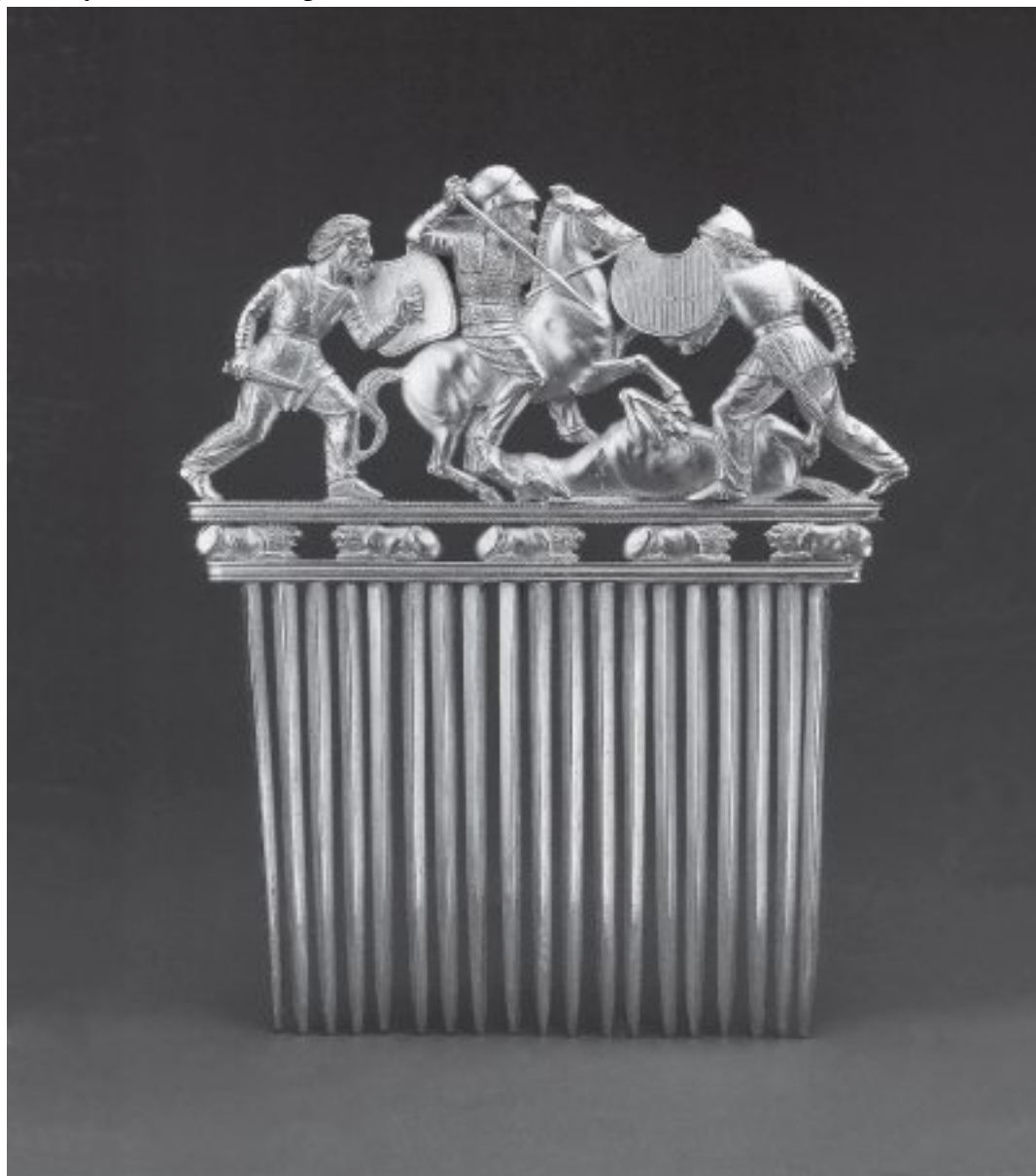
Грандиозные размеры погребальных сооружений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи и обнаруженные в их могилах социально значимые драгоценные предметы (зачастую полностью совпадающие) свидетельствуют о том, что эти курганы принадлежали скифским «царям». Именно к такому предположению и пришли некоторые современные исследователи: А.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург), Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко (Киев).

После бурных событий Октябрьской революции и гражданской войны скифская археология долгое время находилась в застое и упадке. Кое-какие, весьма незначительные по масштабам, работы велись с конца 20-х г., но особых результатов они не принесли. Итоги отечественных исследований в области скифоведения до 1918 г. подвел в двух своих книгах М.И. Ростовцев¹¹. Основываясь на сравнительно ограниченном материале (только данных из раскопок курганов), он сформулировал стройную и логически безукоризненную концепцию о структуре скифского общества и государства. Согласно его теории, скифы – пришедшие откуда-то из Азии ираноязычные кочевые племена – захватили в VII–VI вв. до н. э. все Северное Причерноморье (включая степные и лесостепные области), подчинили себе местное население и создали военно-политическое объединение – государство феодального типа, где господствующее положение занимала военная знать во главе с царем. По словам ученого, это государство

¹¹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – Петроград, 1918; Скифия и Боспор. – Л., 1925.

было очень похоже на более поздние империи воинственных кочевников: Хазарский каганат VII–IX вв. н. э. и, особенно, татаро-монгольскую Золотую Орду (XIII в.).

Таким образом, М.И. Ростовцев считал, что в VI–III вв. до н. э. на обширных пространствах Северного Причерноморья существовала единая Скифия – государство, включавшее в себя как степные, так и лесостепные области от Дуная до Дона (плюс Прикубанье), в котором господствующее положение занимали кочевые скифы-иранцы. Поскольку академик Ростовцев был монархистом по убеждениям и к тому же эмигрировал в 1918 г. в Западную Европу, а затем в США, то его имя в советское время находилось под запретом, а основные концепции подверглись уничтожающей критике.

Илл. 14. Золотой гребень с батальной сценой. Курган Солоха, конец V–IV вв. до н. э.

Известное оживление, а затем и подъем в области скифоведения в СССР произошел лишь после 1945 г. Первоначально главными центрами по исследованию скифской проблемы были Москва и Ленинград¹². С конца 50-х и особенно в 60-е г. при Институте археологии Ака-

¹² Признанный лидер и основатель московской школы скифоведения – профессор Б.Н. Граков, пик научной активности

демии наук Украины создается и начинает успешно функционировать третий центр – Киевский¹³.

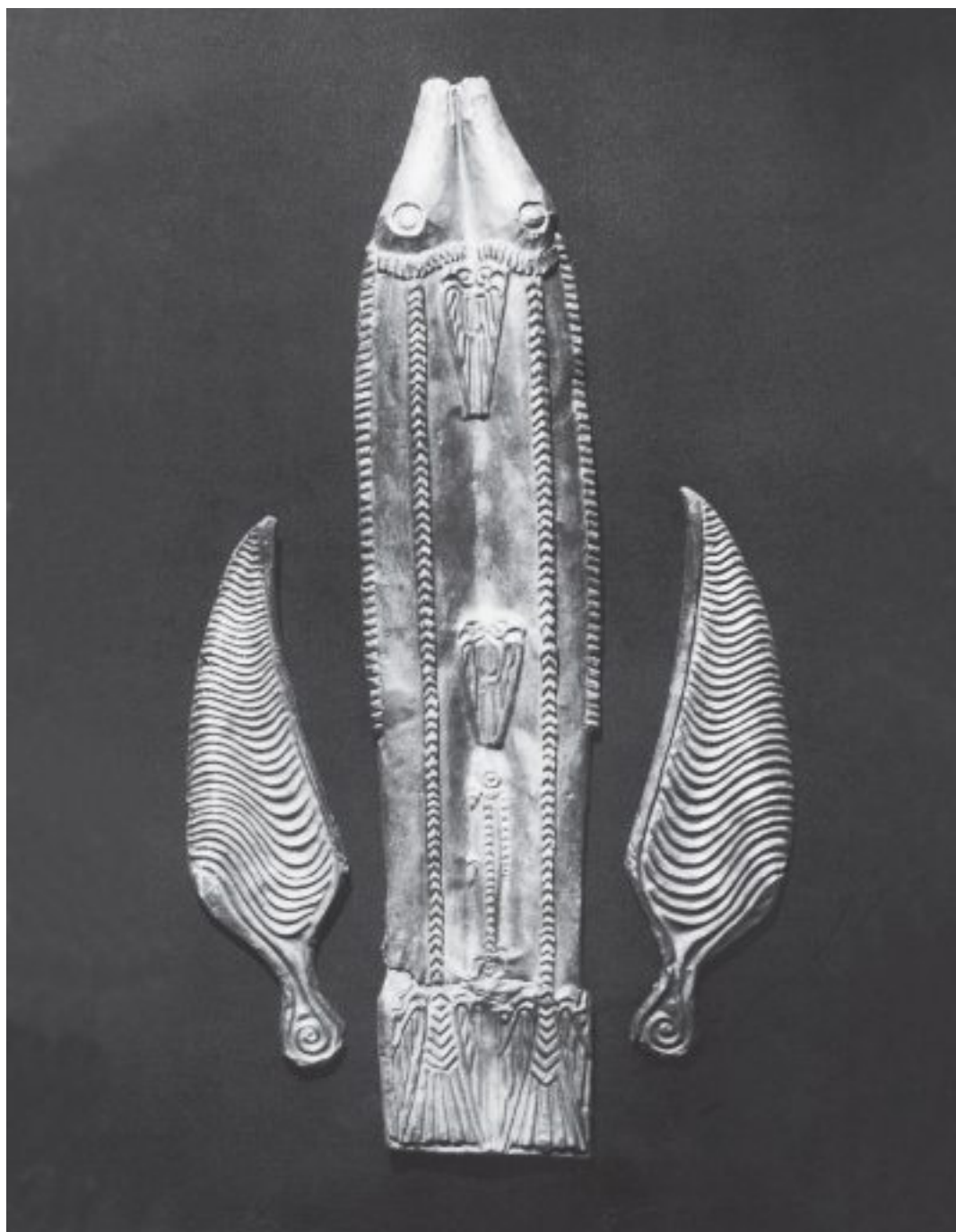
Советские археологи, вполне справедливо отметив упущения своих дореволюционных коллег, главные свои усилия сосредоточили на исследованиях поселений и городищ скифского времени, а также рядовых курганных могильников скифов. Тем не менее, долгое время признавалось существование единой Скифии (в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья) и единой скифской культуры (которую во многом восприняло и аборигенное нескифское население Лесостепи). Правда, велись споры о том, какого уровня развития достигло скифское общество: был ли у скифов первобытно-общинный строй, «военная демократия» или настоящее государство. Если наличие такового признавалось, то речь могла идти только о государстве рабовладельческом.¹⁴ Ни о каком феодализме в духе Ростовцева не могло быть и речи.

Крупные перемены в отечественном скифоведении произошли в 1952 г., когда по инициативе Б.Н. Гракова в Москве было проведено Первое Всесоюзное совещание по скифо-сарматской археологии. Главный доклад, подготовленный лидером московской школы скифо-сарматской археологии и его ученицей А.И. Мелюковой, был озаглавлен «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время». Основная идея его состояла в том, что степные и лесостепные области Северного Причерноморья (которые ранее расценивались учеными как единая Скифия) были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной». Как оказалось, скифы по этносу и культуре жили только в степной зоне, а всю плодородную лесостепь от Днестра до Среднего Дона занимали «нескифские племена», известные нам из знаменитой «Истории» Геродота (V в. до н. э.) – андрофаги, невры, меланхлены, будины и др. Они имели «скифоидную» культуру, но разный со скифами этнос и язык. О наличии большого единого Скифского государства в такой ситуации говорить уже не приходилось. Тем не менее, эти идеи способствовали более углубленному изучению различных вариантов лесостепной культуры скифского времени и выделению их специфических локальных черт.

которого приходится на 40-е-50-е годы XX века. Среди ведущих ученых-скифологов северной столицы можно назвать М.И. Артамонова, М.П. Грязнова и других.

¹³ Руководитель и основатель – А.И. Тереножкин, а также В.А. Ильинская.

¹⁴ Такого мнения придерживались Б.Н. Граков, А.П. Смирнов и другие исследователи.

*Илл. 15. Золотой налобник в виде рыбы и два нащечника в виде крыльев.
Конское захоронение. Курган Солоха*

Широко развернулись исследования и, собственно, скифских памятников в степной Украине. Здесь следует особо отметить значение работ экспедиции во главе с Б.Н. Граковым на огромном Каменском городище (V–IV вв. до н. э.) – возможной столице Скифии в этот период – и рядовых курганных погребений в районе Никополя.

Каменское городище площадью в 120 га находится на левом берегу Днепра вблизи г. Никополя. Территориальная его связь со знаменитыми «царскими» курганами Чертомлык, Солоха, Огуз несомненна. Этот скифский город, возникший, видимо, в конце V в. до н. э., был окружен огромным земляным валом и глубоким рвом. По гребню вала прежде шла стена, сложенная из сырцового кирпича. В южной части городища находился «акрополь», также обне-

сенный валами и рвами. На «акрополе» были открыты руины просторных и прочных каменных домов, в которых, вероятно, жила скифская аристократия. Данные раскопок позволили предположить, что в конце V и, особенно, в IV в. до н. э. Каменское городище было главным ремесленным, торговым и административно-политическим центром Приднепровской Скифии.

Итак, успехи в изучении поселений и рядовых могил скифской эпохи в советский период были налицо. Но на раскопки курганов скифской знати, требовавших больших материальных затрат и зачастую дававших, из-за повального их ограбления, мизерные результаты, археологи долгое время не обращали никакого внимания. Между тем, таких исследований настоятельно требовала логика развития самой скифской археологии. Ведь до 1917 г. ни один большой скифский курган не был докопан до конца (Куль-Оба, Чертомлык, Огуз, Солоха и др.). Несовершенство методов раскопок, невнимание к массовому материалу – обломкам керамики, костям животных, наконечникам стрел, плохая документация (отсутствие планов, разрезов, дневников), не могли способствовать созданию целостной археологической и исторической картины.

Новые раскопки, с использованием современной полевой методики и технических средств (бульдозеров, скреперов), открыли принципиально новый, очень важный этап в изучении захоронений высшей скифской знати. Благодаря этому были сделаны неожиданные и сенсационные открытия в Мелитопольском кургане и курганах «Пять братьев», «Гайманова» и «Толстая» Могилы.

Мелитопольским курган

Открытие нового «царского» кургана произошло чисто случайно. Весной 1954 г. горожанин Мелитополя, проживавший на Первомайской улице в северо-западной части города, где еще в начале XX в. стояла большая группа древних курганов, копал во дворе своего дома колодец. Внезапно земля под ним дрогнула, и он провалился вниз, в какое-то подземелье, где обнаружил на полу несколько тонких золотых бляшек с замысловатыми рисунками. О находке сообщили в местный краеведческий музей, и его работники в ходе осмотра «подземелья» нашли там еще не один десяток золотых бляшек явно почтенного возраста. В конце мая об этом стало известно в Институте археологии Академии наук Украины, и в Мелитополь выехала большая экспедиция во главе с известным археологом А.И. Тереножкиным. Сразу же было установлено, что «подземелье» является не чем иным, как погребальной катакомбой большого кургана, в которой, судя по предварительным находкам, находилось богатое, возможно, «царское», погребение.

От самого кургана мало что осталось: большая часть насыпи была полностью скрыта и почти сплошь застроена. Лишь в центральной части сохранился останец высотой в 3 м и примыкающая к нему часть пола кургана, занятая садом. Уже первый осмотр показал, что раскопки будут связаны с большими трудностями: технике здесь негде было развернуться – остатки кургана со всех сторон зажаты жилыми и хозяйственными строениями. Копать можно было, как и во времена Забелина и Веселовского, только вручную.

Даже беглое знакомство с условиями находок не оставляло у такого опытного археолога, как А.И. Тереножкин, никакого сомнения в том, что курган был ограблен еще в древности: об этом недвусмысленно свидетельствовали и явные следы грабительского лаза. Тем не менее, он принял решение приступить к исследованию кургана. При этом ученый руководствовался непреложным правилом современной методики археологических раскопок – курган может считаться исследованным лишь тогда, когда его насыпь будет полностью удалена и все, что под ней сохранилось, раскопано до последнего сантиметра. Как бы ни был нарушен курган и его погребения временем и грабителями, он не может не сохранить для дотошного исследователя ценной информации. И археолог не ошибся. Позднее он с полным правом писал: «Подтверждается общее правило, что каждый большой скифский курган Северного Причерноморья, можно сказать, почти независимо от его сохранности, по-своему существенен для понимания материальной культуры, социально-экономического строя, торговли и культурных связей, быта и религиозных верований скифов». Раскопки кургана длились три с половиной месяца. Это были первые советские раскопки скифского «царского» кургана.

После полного удаления остатков насыпи выяснилось, что под ней находились две погребальные катакомбы: одна (то самое случайно обнаруженное «подземелье») под северной полкой кургана, другая в центре. Кроме того, рядом с центральной катакомбой находилось захоронение двух коней. Не будем подробно описывать устройство могил, отметим лишь, что они представляли собой сложные подземные сооружения, во многом схожие с аналогичными сооружениями других царских курганов, в частности Солохи.

Многое в сооружении могил, особенно центральной, указывало на то, что соплеменники тех, для кого строился последний, вечный «дом», опасались разграбления и поэтому старались надежно скрыть его от возможных осквернений. Ведь осквернение захоронений царей или вождей нередко даже самими участниками похорон, хорошо знавших, какие богатства таят в себе курганы, было в древности делом обычным. Вспомним хотя бы гробницы египетских фараонов, в которых предпринимались всевозможные хитрости для обмана грабителей. Чаше всего, однако, обман этот не удавался.

На всю высоту центральной части насыпи Мелитопольского кургана были выложены чередующиеся прослойки морской травы (камки) и земляных кирпичей, так называемых вальков. Почвоведы установили, что вальки были изготовлены из болотной почвы в долине р. Молочной, взятой на расстоянии не менее 4 км от кургана. Камка же была привезена с берега Азовского моря, с расстояния в целых 40 км. В результате получился весьма трудно проницаемый щит толщиной в несколько метров. А.И. Тереножкин пишет: «Хорошо сохранившаяся трава в этих прослойках очень сильно спрессовалась, и это создавало немалые трудности при производстве земляных работ. Не меньшей помехой явилась и твердая кладка из вальков».

Входная яма в катакомбу была выкопана на глубину более 12 м от древней поверхности. Ее завалили камнями и плитами, под которыми на дне находилась узкая щель, служившая входом в погребальную камеру. Закрытая вальками, эта щель была таким образом тщательно замаскирована. Все было сделано, чтобы затруднить доступ к погребальной камере. Однако и это не смогло остановить грабителей. И хотя время не оставило нам документов, которые бы рассказали о том, как было произведено ограбление, в процессе раскопок удалось детально восстановить ход действия грабителей. Толстый щит из вальков и камки был пробит широким грабительским ходом, который вел к входной яме в гробницу. Возможно, грабители действовали не совсем вслепую, хотя, как показывают их дальнейшие действия, деталей погребального сооружения они не знали. Но предоставим слово А.И. Тереножкину. «Прокопав входную яму до дна, – пишет исследователь, – они не смогли найти замаскированный вход в камеру. На высоте 2 м от ее дна они сделали широкую пробоину в северной стене входного колодца. Прокопав ее вбок на один метр в материковой глине, они свернули в западную сторону и почти случайно, проломив сводчатый потолок катакомбы, проникли в нее через узкий ход сверху».

*Илл. 16. Деталь изображения на золотой обкладке горита.
Курган Мелитопольский, IV в. до н. э.*

После того как погребальная камера была расчищена археологами от завалов, открылась картина полного опустошения. Если не считать находок отдельных бронзовых наконечников стрел, чешуек железного панциря, костей, да мельчайших золотых лепестков, камера была

пустой. Лишь поперек коридорчика, ведущего из входной ямы в погребальную камеру, лежали остатки скелета ребенка 7–8 лет, при котором также никаких вещей не оказалось. На этом, как будто, можно было бы поставить точку. Но жизнь показала, что это не так. После полной расчистки пола камеры археологам удалось заметить то, на что грабители не обратили внимания, – едва заметное понижение. Здесь находился небольшой тайник, глубиной всего лишь в 20 см, но он во многом вознаградил упорный и нелегкий труд археологов. В тайнике лежал истлевший горит с превосходно сохранившейся золотой обивкой (обкладкой), украшенной уже знакомыми нам по Чертомлыку мифологическими сценами из жизни Ахилла. В горите было около 70 бронзовых наконечников стрел с остатками древков, раскрашенных поперечными красными полосками. На горите и под ним лежали 50 золотых бляшек – остатки портупеи – с вытесненными изображениями сидящей на троне богини и стоящего перед ней скифа с ритуальным в руках. Кроме того, здесь же находился бронзовый боевой пояс.

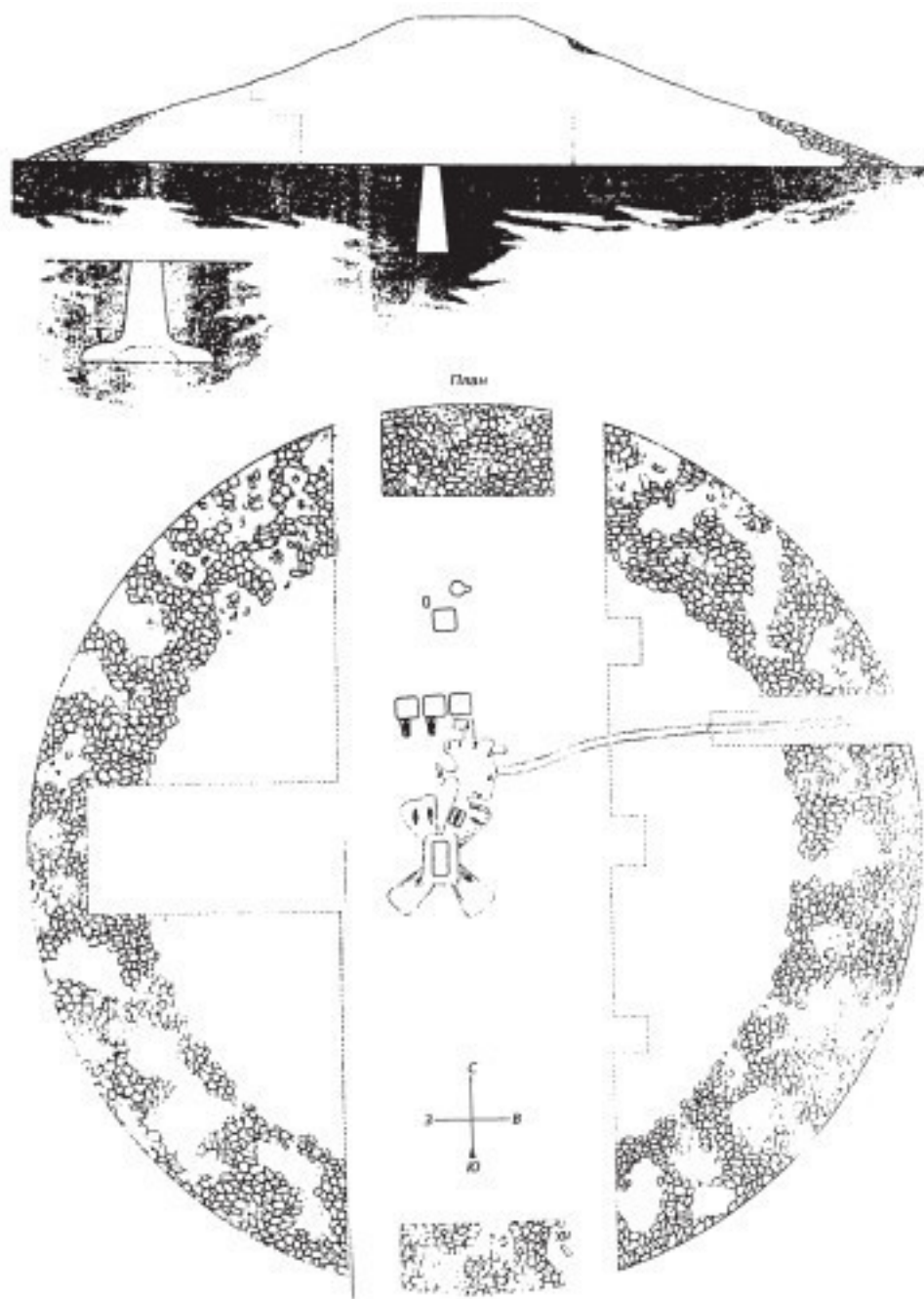
Мелитопольская золотая обивка горита оказалась точным повторением обивок налучий¹⁵, найденных ранее в Чертомлыцком и Ильинецком курганах. Стало совершенно очевидно, что ильинецкая находка не была случайной, что роскошное налучье со сценами из мифологического цикла об Ахилле было не уникальным произведением искусства, а изготовлялось серийно с одной матрицы. Через несколько лет это подтвердилось четвертой находкой точно такой же обивки. Но об этом речь впереди. Рядом с центральным погребением была обнаружена могила с захоронением двух коней с бронзовыми украшениями уздечек и седел.

Даже то немногое, что сохранилось в центральном погребении Мелитопольского кургана, прежде всего, конечно, вещи из тайника, не оставляет сомнений в том, что это погребение «царское», аналогичное захоронениям в Куль-Обе, Чертомлыке и Солохе. Но, в отличие от них, курганный насыпь здесь была гораздо ниже: первоначальная ее высота едва ли превышала 6–7 м, тогда как три названных выше кургана имели 18–20 м в высоту. Вероятно, в Мелитополе был похоронен «царь» более низкого ранга.

Второе погребение в кургане принадлежало знатной скифянке – «царице». Оно тоже было ограблено, но не так сильно, как первое. От полного разграбления «царицу» спасло то, что когда к ней проникли грабители, потолок гробницы обвалился и покрыл собою ее останки. «Чтобы добраться до скелета, – пишет А.И. Тереножкин, – грабители вынуждены были копать над ним землю. Орудя в темноте, в опасных условиях, они смогли, очевидно, выбрать из могилы лишь крупные целые вещи, выбросив при этом с землею много мелких золотых украшений и других предметов». Несмотря на ограбление, при расчистке могилы археологи нашли более 3500 золотых предметов: бляшек, подвесок, бусин и т. д. Каким же богатым должно было быть захоронение до ограбления!

Грабители не полностью потревожили гробницу, так что картину похоронного ритуала удалось восстановить более или менее точно. «Царица» – пожилая женщина – лежала в большом деревянном гробу, одетая в платье и головной убор, расшитые золотыми бляшками. Ее голова, шея, руки и ноги были унизаны золотыми украшениями. У изголовья гроба стояли ритуальные сосуды.

¹⁵ Налучье – то же самое, что и горит (чехол для лука и колчана со стрелами).

Илл. 17. Курган Чертомлык. План и разрез

Коридор, который вел в погребальную камеру, не был затронут грабителями – по опыту они знали, что здесь едва ли можно рассчитывать на богатую добычу. Там на узком деревянном помосте лежал скелет рабыни, покрытый циновкой из камыша. Кисти рук женщины были конвульсивно сжаты, что свидетельствовало о ее насильственном умерщвлении. Рядом с ней находились остатки деревянного ярма, а вокруг стояли 11 амфор и бронзовый котел, наполовину заполненный костями разрезанной на большие куски овцы. Во входной яме лежали остатки погребальной повозки.

Мелитопольский курган стал первым с дореволюционной эпохи «царским» скифским курганом, который был досконально изучен советскими археологами по всем правилам совре-

менной методики раскопок. Дальнейшие события, связанные с историей исследования гробниц высшей скифской знати, происходили уже не в Приднепровье, а на Дону.

«Пять братьев» (курган № 8)

Группа курганов «Пять братьев», об одном из которых и пойдет речь ниже, еще совсем недавно гордо возвышалась на берегу Дона близ хутора Колузаево, неподалеку от известного Елизаветовского городища. Своими размерами (высота их от 7 до 12 м, а диаметр 60–70 м) эти курганы заметно выделялись среди окружавших их многочисленных более мелких насыпей, придавая неповторимый колорит простирающейся вокруг плоской зеленой равнине. Теперь, в результате раскопок и строительных работ, почти все они исчезли. Продолжает нести свою тысячелетнюю вахту лишь один – самый большой из них. На кургане расположено современное кладбище, и он все еще ждет разгадки тайн, погребенных под его гигантской земляной шапкой.

В 1959 г. экспедиция Института археологии Академии наук СССР, возглавляемая В.П. Шиловым, начала раскопки курганный группы «Пять братьев». Особенно выделялся своими размерами курган № 8, находившийся в южной части группы. Высота его достигала 9 м, а диаметр – 62 м. Ученые, приступая к исследованию этого земляного исполина, не питали особых надежд на сенсационные находки. Из старых отчетов Императорской Археологической Комиссии было известно, что в 1871 г. именно этот курган копал таганрогский археолог П.И. Хицунов, а до него здесь в XVII или XVIII вв. уже успели побывать грабители, о чем красноречиво свидетельствовала огромная заплывшая воронка чуть в стороне от центра холма. Предшественнику В.П. Шилову удалось обнаружить на глубине 9,6 м каменную гробницу, перекрытую дубовыми бревнами. Она оказалась абсолютно опустошенной грабителями. На полу лежал скелет коня в полной сбруе и несколько золотых бляшек. Тогда П.И. Хицунов решил, что он достиг конечного результата и приказал прекратить дальнейшие работы. Вот что записал он в своем полевом дневнике: «Когда в глубину достигли 3 сажень (т. е. 6,4 м) при самой трудной и опасной работе, то показались толстые, совершенно истлевшие пласты тростника и камыша, которыми, вероятно, покрыта была гробница.

Она действительно вскоре и обнаружилась под тростниковой настилкой; заметны были деревянные перекладыны на бывшем потолке гробницы <...> Итак, на глубине 4 $\frac{1}{2}$ сажень (9,6 м) от поверхности кургана, не в центре, однако же, оно, а на окружности, на материке, оказалась обширная каменная гробница <...> Грубо, без цемента сложенные стенки ее из дикарного камня, вероятно, от тяжести налегавших верхних слоев кургана местами покосились и разрушились. Вся правая сторона гробницы и середина оказались пустыми и ничего, кроме песка и глины, перемешанных с истлевшим деревом и камышом, не содержали, даже костей человеческих и лошадиных. Между тем, как в левой стороне ее собрано несколько лошадиных костей и при них беспорядочно раскиданных бронзовых украшений от конской сбруи».

Илл. 18. Золотой перстень с грифоном. Пятибратный курган № 8, IV в. до н. э.

Тем не менее, в 1959 г. было решено провести полные раскопки этого кургана «на снос» с помощью мощных землеройных машин – бульдозера и скрепера.

Высокая насыпь была снята довольно быстро, и под ней открылся квадратный каменный склеп, перекрытый мощным накатом из дубовых бревен (их диаметр достигал 60 см). К склепу вел каменный же коридор-дромос¹⁶ почти 15-метровой длины.

Южная половина склепа (в ней и побывал П.И. Хицунов) была начисто ограблена. Здесь удалось обнаружить только череп и кости ног пожилого мужчины, обломки бронзового котла, несколько железных наконечников копий и дротиков, а также кости лошади со следами окиси меди.

Но зато в северной части гробницы, заваленной обломками рухнувшего перекрытия, археологи совершенно неожиданно для себя обнаружили нетронутое погребение скифского «царя» с массой драгоценных вещей. На каменном полу, покрытом остатками сгнившей циновки, лежал на спине головой на запад скелет молодого мужчины. На черепе погребенного и вокруг него находились золотые нашивные бляшки от головного убора, на шее – массивная золотая гривна, концы которой украшали фигурки барсов, а также ожерелье из золотых колечек и медальонов. Вся одежда «царя» и даже его сапоги из тонкой кожи были покрыты золотыми штампованными нашивными бляшками с разнообразными изображениями. На фалангах пальцев рук сохранилось несколько золотых перстней.

Безутешные подданные умершего правителя не только облачили его в роскошные одежды, сплошь обшитые золотом, но и позаботились о пребывании «царя» в загробном мире. В гробницу был помещен целый арсенал: 16 колчанов со стрелами (и среди них не только с бронзовыми, но и с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками). Всего их было 1064. У левого бедра царственного покойника лежали золотая обкладка горита и железный, в деревянных ножнах, меч, ножны и рукоять которого были обтянуты золотыми пластинами со штампованными изображениями. Кроме того, сюда же поместили три копия с железными наконечниками и «рюмкообразными» втоками¹⁷, множество дротиков и кинжал. Защитное вооружение представлено парой бронзовых греческих поножей и двумя боевыми поясами из бронзовых пластин, нашитых на кожу.

¹⁶ Дромос (греч.) – коридор, вход в гробницу.

¹⁷ Вток – железная оковка тыльной части древка копья.

Рядом с умершим положили и драгоценные культовые сосуды для возлияний: гладкий серебряный кубок, сходный по форме с куль-обским и «воронежским» сосудами, и серебряный килик. Заупокойная пища состояла из разрубленной на куски туши лошади, а стоящие рядом 14 греческих глиняных амфор (в дромосе) были способны вместить до 120 л вина. Судя по клеймам на этой винной таре, захоронение было совершено в третьей четверти IV в. до н. э.

Илл. 19. Реконструкция костюма «царя». Пятибратный курган № 8

Около входа в склеп и внутри него в беспорядке на полу лежала целая груда золотых вещей – золотые пластины, бляшки, бусины – всего около 1273 драгоценных предметов. По мнению В.П. Шилова, здесь стоял когда-то деревянный ларец, в который слуги уложили парадную одежду, головные уборы и украшения. Всего же в склепе было обнаружено свыше 4000 предметов и из них 1715 золотых. Общий вес золотых изделий из кургана № 8 «Пяти братьев» превышал 2 кг. Однако материальная стоимость находок не идет ни в какое сравнение с их художественной и научной ценностью.

Среди найденных сокровищ особенно выделяются золотая обивка горита и ножен – подлинные шедевры, сотворенные руками древнегреческих мастеров.

*Илл. 20. Меч в золотых ножнах с золотой рукоятью.
Пятибратный курган № 8, IV в. до н. э.*

На золотой пластине, украшавшей деревянные ножны, художник изобразил битву греков со скифами. Как видно, сражение складывается далеко не в пользу эллинов, поскольку их начальник («стратег») в высоком шлеме и панцире вызывает подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом скифского вождя, уже занесшего свой меч для решающего удара.

Золотая оковка горита, как уже говорилось выше, полностью воспроизводит сюжеты, запечатленные на таких же золотых пластинах из Чертомлыка, Мелитополя и Ильинцов. Главный мотив здесь – картины из жизни греческого героя Ахилла.

Именно эти две вещи – горит и меч – позволили ученым прийти к выводу о том, что могила в кургане № 8 группы «Пять братьев» принадлежала скифскому «царю». Курган № 8 важен для нас еще и тем, что это пока единственный нетронутый погребальный комплекс представителя высшей скифской знати на всей территории Подонья – от Воронежа до Ростова-на-Дону.

В конце 60-70-х г. на территории степной (Южной) Украины начались широкомасштабные ирригационные работы – возведение каналов, водохранилищ, плотин и дамб. При этом в зону строительства попадало множество памятников археологии, в том числе и скифских курганов. Согласно существовавшему тогда законодательству о сохранении историко-культурного наследия страны, все государственные учреждения и организации, которые в ходе своей деятельности могли создавать угрозу разрушения или порчи археологических объектов, обязаны были выделять необходимые средства на полное исследование данных древностей. Деньги на такие работы отпускались по тем временам колоссальные. Были организованы десятки новых археологических экспедиций, и счет раскопанным скифским курганам (главным образом небольшим) стал вестись на сотни и даже тысячи. Объем полученной при этом информации во много раз превосходил все то, что было сделано в предшествующий период¹⁸.

¹⁸ Однако своевременно обработать и ввести в научный оборот такую массу материала так и не удалось. О достижениях и проблемах археологии в степной зоне Украины тех лет красочно рассказал в своей научно-популярной книге известный археолог А.М. Лесков (Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981).

«Гайманова Могила»

Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии Академии наук УССР, возглавляемый А.И. Тереножкиным, несмотря на обилие работы с рядовыми захоронениями, не упускал из сферы своих интересов и дальнейшее изучение больших «царских» курганов Скифии. Северо-Рогачикская экспедиция, которую он возглавлял, работала на новостройках Запорожской области.

Здесь, у с. Балки находилось до 20 курганных групп. Особое внимание археологов привлекла одна из них, состоявшая из 46 невысоких насыпей, среди которых одиноко возвышался восьмиметровый исполин, известный среди местных жителей под названием «Гайманова Могила».

В 1967 г. начались раскопки малых курганов данной группы. А потом неотложные дела призвали А.И. Тереножкина в Киев, и он поручил руководство экспедицией В.И. Бидзилье – археологу, научные интересы которого были весьма далеки от скифской тематики. Еще со студенческой скамьи его интересовали только древние славяне. Но квалифицированных кадров археологов на новостройках, где требовалось в сжатые сроки провести огромный объем исследований, катастрофически не хватало, и В.И. Бидзилю тоже «мобилизовали» в с. Балки. Впрочем, этот ученый имел за плечами большой опыт работ на археологических памятниках всех эпох.

Летом 1969 г. экспедиция раскопала 22 малых кургана, но все они оказались начисто ограбленными. Это не внушало оптимизма и по отношению к «Гаймановой Могиле», поскольку, по своему горькому опыту, археологи хорошо знали, что именно большие скифские курганы, скрывающие в себе сказочные богатства, в первую очередь привлекали к себе внимание искателей сокровищ. «Гайманова Могила» и манила к себе ученых, и отпугивала: раскопки кургана требовали огромных затрат сил и средств, а вероятность успеха была весьма сомнительна.

И все же В.И. Бидзиля решил приступить к исследованию. Курган представлял собой огромное конусовидное сооружение высотой более 8 м, диаметр его превышал 70 м. Слой за слоем снимал бульдозер гигантскую шапку кургана, а археологи тщательно фиксировали все, что находили в земле.

На глубине 4 м от вершины насыпи показалась каменная крепида¹⁹. Еще ниже, на уровне древней дневной поверхности, стали открываться следы заупокойной тризны: огромное количество лошадиных и овечьих костей, раздавленные амфоры, остатки уздечных наборов, наколенники стрел.

Появился и грабительский лаз. Как выяснилось позднее, он вел прямо в погребальную камеру. Археологи же все глубже «вгрызались» в землю и, наконец, на глубине 8 м от уровня древнего горизонта, вошли в гробницу. При входе лежали остатки деревянной погребальной повозки. В стенке камеры была обнаружена хозяйственная ниша, заполненная разной утварью: большой медный котел для варки мяса, крюк, бронзовое блюдо, большой поднос с кувшином для вина, киликом и ситечком для процеживания вина, небольшая жаровня и железные щипцы. В нише лежал скелет удушенного повара или виночерпия (здесь же стояли греческие амфоры для вина). Сама же погребальная камера была полностью ограблена. Несколько сот оброненных грабителями мелких золотых украшений, да золотой перстень свидетельствовали об огромных богатствах, лежавших здесь когда-то.

Вот что пишет об этом сам первооткрыватель – Василий Бидзиля:

¹⁹ Крепида – огромная кольцевая стенка, сооруженная для предотвращения оползания насыпи кургана, состоит из больших вертикально вкопанных в землю белых известняковых плит.

«Грабитель разворошил все содержимое усыпальницы, но все же можно было воссоздать общую картину. Видимо, здесь были погребены 4 знатных лица: 3 из них в центральной камере и 1 – в боковой нише – женщина. Весь саркофаг ее был покрыт красной и голубой росписью золотыми набивными пластинами, часть которых сохранилась на дне ниши. Возле головы богатой скифянки стояло деревянное блюдо с жертвенным овечьим мясом и железным ножом. Ожерелье из пастовых и золотых бус было рассыпано вокруг останков покойной.

В центральной части катакомбы рядом с двумя мужскими скелетами лежали железные наконечники копий и кожаные пояса, украшенные бронзовыми пластинами. Грабителям не все удалось унести: изящные кожаные башмаки, обшитые треугольными золотыми пластинами (их всего 43), остались на месте. Дело в том, что в древности часть катакомбы обвалилась, и земля надежно спрятала многие вещи <...> В восточной части ямы, почти у входа в нее, лежал скелет боевого коня в богатом уздечном наборе из бронзовых блях, нащечников и железных удиц. Возле лошади покоились останки двух юношей-слуг <...>

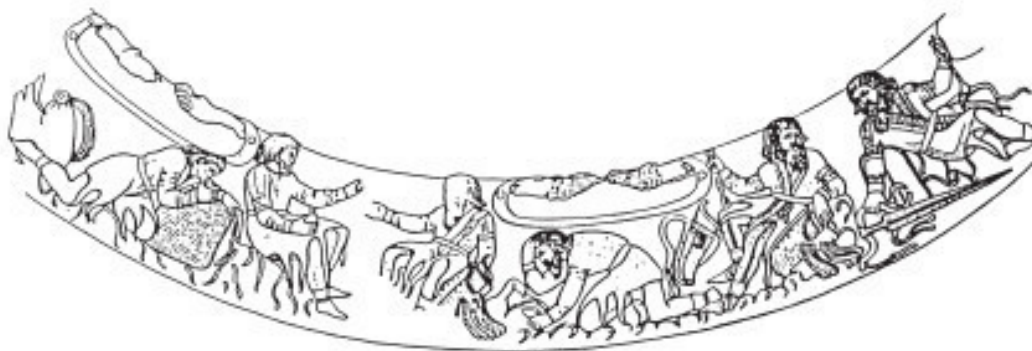
Теперь предстояло разобрать осыпь земли и увидеть то, что не смог забрать вор. В боковой нише гигантской земляной гробницы – в этом небольшом пространстве в три метра длиной и около полутора метров шириной – были сложены многочисленные предметы «кухонной» утвари. В дальнем углу стояли две амфоры, а между ними бронзовое плоское блюдо. В центре – громадный бронзовый литой котел, наполненный лошадиными костями, а под ним – маленький бронзовый котелок на небольшой ножке. Слева от котлов располагался <...> круглый бронзовый поднос, на котором лежало бронзовое ситечко для процеживания вина, бронзовый кувшин, украшенный рельефными изображениями сатира и Вакха. Тут же находилась бронзовая ажурная жаровня, бронзовая чашечка для вина и железные щипцы для вынимания мяса из котла. Между большим котлом и подносом стояло великолепное бронзовое ведро. Такое обилие и разнообразие бытовой посуды в захоронениях скифских царей встречается крайне редко <...> Вместе с этим «кухонным сервизом» был погребен и слуга. Он был вооружен тремя стрелами, копьем и пращей, а вдоль его груди лежал железный боевой пояс».

Открытое погребение находилось в северной половине кургана и являлось боковым. Требовалось раскопать и южную половину. Но начались осенние дожди, решено было отложить дальнейшие работы до будущего года. Осталось лишь провести чертежные и фотографические работы в раскопе. И вот, один из сотрудников экспедиции, Б.Н. Мозолевский, при зачистке земляной стенки катакомбы обнаружил тайник.

Спрятанные сокровища лежали в нем горизонтальными рядами: наверху – деревянная чаша с золотой обивкой, ниже – серебряные килик и чашечка, под ними – еще две деревянные чаши, обитые золотыми пластинами, под чашами – серебряный ритон с золотым раструбом и наконечником в виде головы барана. Самые ценные вещи лежали на дне тайника: большой серебряный ритон с широким золотым орнаментированным раструбом и золотым наконечником, серебряная ритуальная чаша, в которую был помещен серебряный же кубок и, наконец, самая замечательная находка, прославившая «Гайманову Могилу», – серебряная с позолотой чаша, украшенная широким фризом с рельефными изображениями шести фигур скифов. По форме сосуд совершенно похож на чашу со сценами охоты из Солохи, и оба они, несомненно, были ритуальными.

Впервые за многие десятилетия (последняя такая находка – Солоха, 1913) скифы, стряхнув с себя прах тысячелетий, снова, как живые, предстали перед глазами наших современников. На «гаймановой» чаше изображены две парные сцены и две одиночные фигуры. На одной стороне сосуда изображены два сидящих бородатых скифа, занятых беседой. Роскошная одежда, парадное оружие, атрибуты высшей власти (плетка в руке одного из них и булава в руке другого), общий их облик – все указывает на то, что перед нами представители высшей власти – скифские «цари». Детали костюма и оружия вносят много новых ценных дополне-

ний к данным, известным по куль-обскому и воронежскому сосудам. Фигуры позолочены, в серебре оставлены лишь лица и кисти рук.

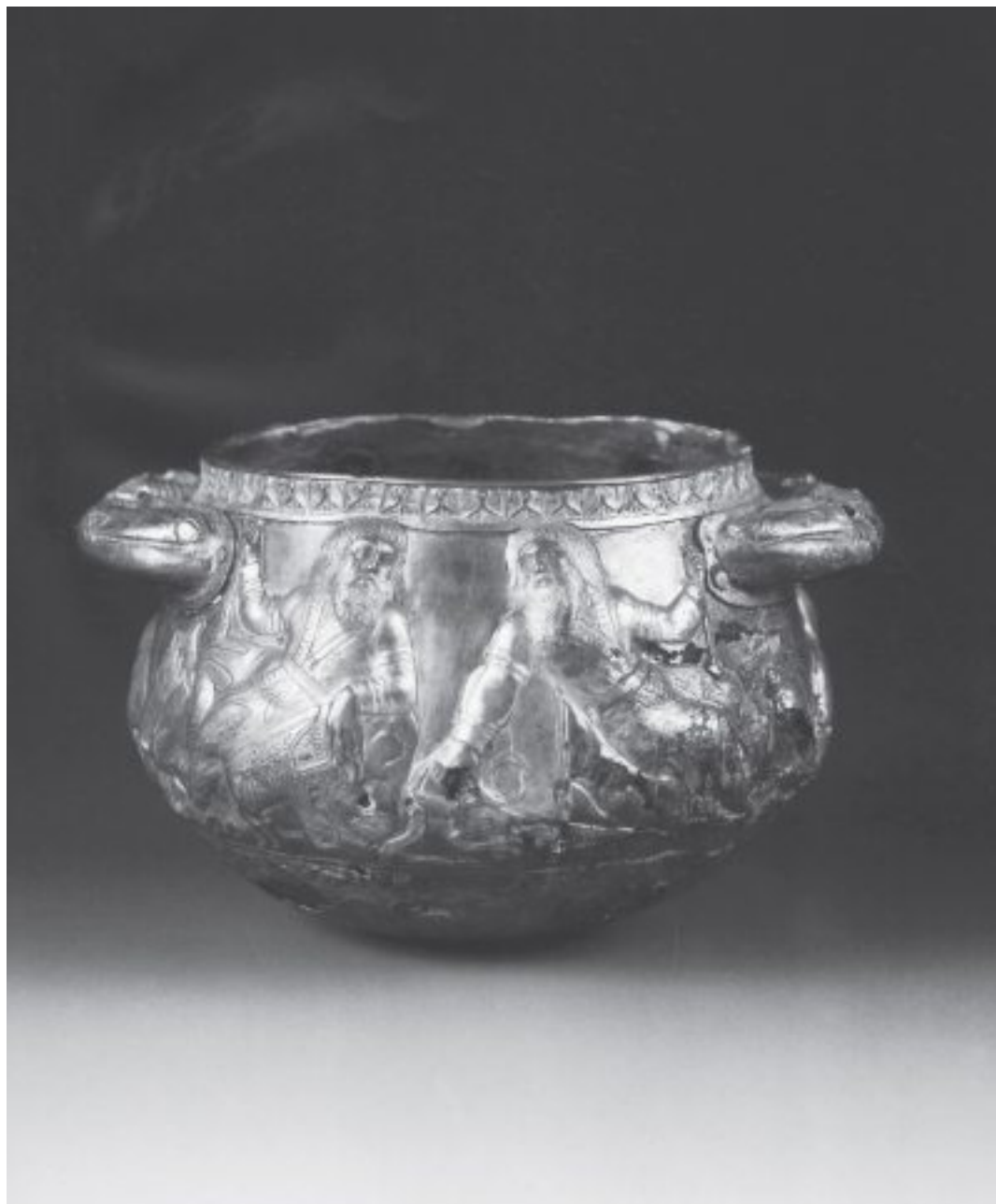

*Илл. 21. Детали изображения на серебряной чаше.
Курган «Гайманова Могила», IV в. до н. э.*

На противоположной стороне чаши также представлена парная сцена. Возможно, она была центральной во всей композиции. К сожалению, именно эта часть чаши сильнее всего пострадала от времени, поэтому некоторые важные детали утеряны. Здесь также сидят два знатных скифа – пожилой и молодой, одетые в такие же роскошные костюмы и при парадном оружии. У молодого на шее гривна, в правой руке он держит чашу – символ верховной власти, левая же рука его вытянута в сторону собеседника. Пожилой воин протянул руку в сторону молодого, как будто передавая ему что-то.

Под одной ручкой чаши изображен стоящий на коленях молодой скиф, припавший ртом к бурдюку с вином, под другой – пожилой воин, также стоящий на коленях; одной рукой он держится за лоб, а другой сжимает что-то на земле.

Очевидно, что на чаше из «Гаймановой Могилы», как и на куль-обском и воронежском сосудах, изображен какой-то сюжет из скифского героического эпоса.

Илл. 22. Серебряная чаша со скифами из «Гаймановой Могилы»

Чаша из «Гаймановой Могилы» – выдающееся произведение греческой, или «греко-скифской», торевтики²⁰. Священный сосуд был изготовлен эллинским художником по заказу скифского владыки, желавшего подчеркнуть свои исконные, божественные права на власть. Чаша впервые дала представление о внешнем облике скифских «царей». В отличие от прежних находок здесь показаны их парадная одежда и оружие, символы власти. Многие детали абсолютно новы и очень важны для изучения структуры скифского общества. Вот как комментирует эту сенсационную находку прибывший на место раскопок А.И. Тереножкин. «Остановлюсь только на разборе одной находки – серебряной чаши с изображениями скифов. В ней все ново, а отчасти и неожиданно. В персонажах основных сцен, изображенных на ней, с известной долей вероятности можно видеть скифских царей. Их фигуры, застывшие в величе-

²⁰ Торевтика – искусство рельефной обработки художественных изделий из металла.

ственно-торжественных позах, сверкают роскошью одеяний и драгоценного оружия. Сюжетом этих сцен послужило какое-то выдающееся событие в жизни народа, которое, быть может, было засвидетельствовано историческим преданием или воспето в героическом эпосе. Возможно, что на чаше изображены могущественные степные владыки, съехавшиеся для установления вечного мира между враждующими сторонами. Как бы незримо присутствуют здесь и простые скифы, в коленопреклоненном раболепном виде подносящие свои дары или дань. Необычны кафтаны, покрой которых одинаков у знатных и рядовых скифов. <...> Чаша – шедевр греческого искусства – изготовлена по образцу скифских деревянных сосудов ритуального назначения. Мастер, сделавший ее, жил, несомненно, в одном из античных городов Северного Причерноморья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.